

DOI: 10.31857/S032103910012260-9

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ИСТОРИК И ТЕКСТ»

(Москва, 19–20 декабря 2019 г.)

19–20 декабря 2019 г. в Москве состоялась вторая научная конференция, проводимая на базе ежегодного симпозиума «Историк и текст», организованная, как и в 2017 г., отделом сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН под эгидой Российской ассоциации антиковедов. В работе конференции приняли участие ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Ярославля, Петрозаводска, Магнитогорска, Тулы, Смоленска, Вологды, Самары, Саратова, Краснодара, а также Братиславы и Никосии. Работа конференции проходила в шести тематических секциях, всего было проведено восемь заседаний, каждое из которых завершалось общим обсуждением.

Открывшее конференцию пленарное заседание (председатель – А. И. Иванчик) состоялось 19 декабря. Первым с докладом «Солдаты и таможенники в Апамее Фригийской: к вопросу о границе провинции Азия» выступил А. И. Иванчик (Москва), предложив анализ эпиграфических памятников, происходящих из окрестностей Апамеи Фригийской, как уже известных, так и обнаруженных в ходе разведок 2008–2012 гг. Этот анализ, а также топографические наблюдения позволили уточнить границу между провинциями Азией и Ликией–Писидией: она проходила между современной деревней Инджесу и южным берегом озера Авлотрене, где к нему выходит долина деревни Чапалы. В Инджесу находился римский таможенный пост, а в Эльдере, на берегу того же озера – таможенный пост, совмещенный с военным гарнизоном, контролировавший сообщение между провинциями Азией и Галатией.

В. В. Деметьева (Ярославль) выступила с докладом «Родосская надпись (*SIG³ 745*): что связывало грека Поликла с римскими должностными лицами?». Автор не поддержала датировку надписи, предложенную Ж.-Л. Феррари (96–94 гг. до н.э.), относя ее к 80-м годам до н.э., и согласилась с тем, что сам памятник, на постаменте которого была вырезана рассматриваемая надпись, был создан в честь грека Поликла. В докладе обращается внимание на другую родосскую надпись (*NSER18*), в которой говорится о том, что Поликл был советником наварха Дамагора, являвшегося родосским морским военачальником в Первую Митридатову войну (App. *Mithr.* 25). Именно вместе с Дамагором Лукулл победил эскадру понтийского царя под командованием Неоптолема у Тенедоса (Plut. *Luc.* III. 8–10; Cic. *Arch.* IX. 21). Таким образом, Дамагор выступает связующим звеном между Поликлом и Лукуллом, а следовательно, протягивает нить между Поликлом и римскими должностными лицами, упоминаемыми в надписи *SIG³ 745*. Прослеженная связь свидетельствует не просто о дипломатических контактах, как предполагали исследователи в период, когда еще не было установлено имя Поликла в качестве адресата посвящения, а о совместных военных действиях в борьбе с Митридатом.

В докладе Г. А. Беловой (Москва) «Белая крепость Геродота» речь шла об идентификации описываемой греческим историком крепости. Согласно Геродоту, после завоевания Египта персидская администрация и греческие наемники размещались в «Белой крепости Мемфиса». В ходе археологического изучения памятника, расположенного в северо-восточной части Мемфиса и обычно называемого в научной литературе «дворец Априя» или «военный лагерь», была открыта крупная структура казарменного типа, защищенная массивной оборонительной стеной. Величина здания, его планировка и наличие сооружений, обеспечивающих нормальные условия жизни для значительного контингента, а также присутствие оборонительных стен указывают на военно-админи-

стративный характер здания, которое, как показали исследования, было построено и функционировало во времена персидского господства. Персы продолжали использовать египетский термин «Белая стена/Белый форт», следовательно, есть все основания полагать, что обнаруженные постройки и были «Белой крепостью» Геродота.

В. И. Мордвицева (Москва) представила доклад «Инокультурные, внутрикультурные и кросскультурные артефакты как источник определения культурной самоидентичности (на примере варварских контекстов Крыма римского времени)». По ее мнению, украшения костюма, обнаруженные на горных святилищах Крыма, по частоте встречаемости можно разделить на единичные, особенные и массовые, а по культурной принадлежности — на «инокультурные», «внутрикультурные» и «кросскультурные». «Внутрикультурное» происхождение артефактов предполагает центр производства и распространения в среде самой потребляющей их культуры, а «инокультурное» — за ее пределами. «Кросскультурные» вещи в разной степени имитируют или модифицируют «инокультурные» оригиналы: так, реплика представляет собой копию оригинального продукта, дериват — предмет, возникающий на основе другого, а гибрид сочетает в себе свойства двух и более объектов, по крайней мере один из которых «инокультурный». Для характеристики особенностей культурной идентичности адептов крымских горных святилищ смысловую нагрузку несут особенные «внутрикультурные», единичные и особенные «инокультурные», а также все виды «кросскультурных» предметов.

В докладе *Л. Л. Кофанова* (Москва) «Об эволюции компетенций суда сената и суда народа в Риме V—III вв. до н.э.: несколько казусов из практики международного правосудия» рассматривалась проблема юрисдикций двух основных судов, разрешавших международные споры в Риме V—III вв. до н.э., — суда сената и суда народа. Отталкиваясь от характеристики судебных функций сената и народа, данной Полибием, а также от сведений Тита Ливия и Дионисия Галикарнасского, автор доклада выделил три периода противостояния судов сената и народа в указанное время. Первый период, с начала и до середины V в. до н.э., характеризовался тем, что патрицианский сенат не признавал правомочий суда народа, однако дело 446–442 гг. до н.э. показало, что суд сената все же признал верховенство суда народа. Для второго периода, с середины V до начала III в. до н.э., представленного казусами 446 и 391 гг. до н.э., характерно доминирование суда народа, который, однако, в сравнении с сенаторским судом проявил низкие профессиональные качества. Третий период, с середины III в. до н.э. до последней четверти II в. до н.э., представленный казусом 204 г. до н.э., показывает, что суд народа признал авторитет и профессионализм сенаторской юрисдикции в международном праве, что и позволило Полибию говорить о невмешательстве народа в судебные дела сената.

В первый же день конференции состоялись заседания трех тематических секций. Заседание секции «Эпиграфика и археология» (сопредседатели — И. А. Макаров, С. Ю. Сапрыкин) открылось докладом *А. Л. Бехтер* (Санкт-Петербург) «Материалы из раскопок Е. И. Леви и А. Н. Карасева 1960–1970-х гг.: граффити и дипинти с Ольвийской агоры», который был посвящен характеристике материалов из раскопок Е. И. Леви и А. Н. Карасева за период с 1960 по 1974 г. Часть этих материалов была передана для изучения Ю. Г. Виноградову, а затем С. Р. Тохтасеву, однако ни один из этих выдающихся исследователей не успел полноценно опубликовать их. В коллекцию входит 98 объектов с граффити или дипинти: три фрагмента происходят с Восточного теменоса, все остальные — с агоры. Материалы общественного характера, найденные на территории гимнасия и дикастерия, несмотря на отсутствие полноценной публикации, все же отчасти известны научной общественности по изображениям и кратким упоминаниям в работах Ю. Г. Виноградова, Е. И. Леви и А. Н. Карасева. Некоторые из текстов частного характера (владельческие, магические, посвятельные, застольные) были представлены С. Р. Тохтасевым в докладе на чтениях памяти И. М. Тронского, который, однако, не был опубликован. По словам докладчицы, в настоящее время ведется активная работа по разбору материалов, хранящихся в античном секторе и камеральных помещениях ИИМК РАН СПб, так что представленный список, несомненно, будет пополнен.

Р. В. Стоянов (Москва) выступил с докладом «О культе Артемиды и Диониса в Северном Причерноморье: нашивные пластины из Херсонеса и Куль-Обы», в котором рассмотрел образ крылатого женского божества, так называемой змееногой богини — Rankenfrau, или «прорастающей девы». Этот образ восходит к широко распространенному в античном мире иконографическому типу *λόγισα θηρών* («владычица зверей»), заимствованному в измененном виде в декоративную скульптуру и торевтику. Один из вариантов этого образа встречается только на нашивных пластинках: богиня в калафе и пеплосе с маской, изображающей бородатую голову, в левой руке. Подобные

изображения происходят из склепа № 1012 в Херсонесе Таврическом, из кургана Куль-Оба и из ст. Ивановская. В этой связи следует обратить внимание на использование масок в культе Артемиды Орфии, в святилище которой были найдены обломки нескольких сотен масок (в том числе и масок силенов). Этими масками невозможно было закрыть лицо из-за малых размеров, скорее всего их можно было лишь нести в руке. В том же храме были найдены многочисленные свинцовые фигурки с округлым предметом в левой руке, образ которых восходит к иконографии *λότχια θηρόβν*.

П. В. Ковалев (Москва) выступил с докладом «По поводу так называемых “плохих сосен”: из “письма жреца”». В нем автор полемизировал с переводом 10–12-й строк граффито из Ольвии (*SEG XLII. 710*), предложенным В. П. Яйленко. По мнению докладчика, текст граффито представляет собой послание младшего жреца старшему, а не гимн Ахиллу, как предполагал Яйленко. Упоминание в тексте о качестве сосен позволяет думать, что речь идет не о строевом лесе, а о материале для факелов, использовавшихся в конной процессии или агоне.

Доклад *И. А. Макарова* (Москва) «К интерпретации нескольких надписей из Херсонеса и его окружи» был посвящен проблемам реконструкции и жанровой принадлежности ряда эпиграфических памятников, а также отражению в них религиозных представлений, бытовавших в Северном Причерноморье в эллинистическое и римское время.

С. Ю. Сапрыкин (Москва) выступил с докладом «Черепичные клейма архонта Гиgienонта». О правлении архонта Гиgienонта на Боспоре свидетельствует ряд монет, а также клейма на черепице *ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΥΓΙΑΙΝΟΝΤΟΣ* из Пантикапея, Мирмекия, «Загородной усадьбы», Тиритакти, Порфмия, Нимфея. Возвышение Гиgienонта относится к началу II в. до н.э., когда были предприняты попытки защитить Пантикапей и его окрестности от сарматской угрозы, вызванной участвовавшими нападениями роксоланов и сирако-меотов. Его деятельность проходила исключительно на европейском Боспоре, где под его руководством возводились и восстанавливались укрепления, дома, стены, храмы, для чего осуществлялись активные поставки черепицы. Для набора войска тратились дополнительные средства, что привело к чекану монет с именем и титулом Гиgienонта. Победная символика на его монетах свидетельствует о военном успехе боспорцев, а тетрахалк Гиgienонта с изображением шапок Диоскуров со звездами, между которыми ветвь или роз изобилия, говорит о союзных отношениях Боспора и Скифского царства в Таврике, основанных на общих военно-политических интересах против сарматской угрозы. Стратегические и политические взаимоотношения Боспора и поздних скифов помогли Гиgienонту отстоять независимость Боспора от сарматов, вероятно, в результате участия боспорского войска в победоносной войне с сираками и другими племенами, включая сатархов.

О. В. Кулишова (Санкт-Петербург) представила доклад «Из истории отечественной эпиграфики: переписка Ф. Ф. Соколова с А. В. Никитским». Ф. Ф. Соколов (1841–1909) по праву считается основателем русской эпиграфической школы, воспитавшим целую плеяду всемирно известных эпиграфистов, к которой принадлежал и А. В. Никитский (1859–1921). Среди материалов фонда Никитского в Санкт-Петербургском филиале архива Российской академии наук сохранились письма Соколова, адресованные Никитскому (СПбФ АРАН. Ф. 84. Оп. 1. Д. 55. 34 л.). Важным дополнением к этому источнику являются другие материалы фонда, прежде всего черновики писем Никитского к Соколову. Основным предметом переписки являлись обсуждение и анализ разнообразного эпиграфического материала, с которым Никитский работал в Греции. В то же время письма содержат ценные сведения о подготовке специалистов-антиковедов в России и жизни Петербургского университета в конце XIX в. Кроме того, переписка позволяет судить об отношении учителя и ученика, в ней имеется множество указаний на события из их личной жизни.

Работу секции «Древний Рим: история и культура» (сопредседатели – А. В. Короленков, Е. Ю. Чепель) открыл доклад *А. В. Короленкова* (Москва) «О начале сулланских проскрипций». Докладчик обратил внимание на существование в историографии двух точек зрения на время начала проскрипций: 1) сразу после битвы у Коллинских ворот или 2) спустя какое-то время после беспорядочных убийств, творившихся победителями. Было отмечено также, что учеными не ставился вопрос, почему террор не начался после перехода Рима под контроль Суллы еще весной 82 г. до н.э. и почему в Риме более чем через полгода оставались его враги. Вполне вероятно, что некоторые из расправ, упомянутых у Плутарха и Орозия как имевшие место до введения проскрипций, произошли еще до битвы у Коллинских ворот, но спустя два столетия смешались в сознании некоторых античных авторов с проскрипциями. Что же касается Суллы, то он, судя по всему, выступил с инициативой проскрипций, как считает Ф. Инар, сразу, а не спустя несколько недель – если он хотел узаконить террор, то нуждался в этом именно в первые дни после победы,

а не позже, когда уже стал диктатором и мог чинить расправы без всякого одобрения комиций, о котором сообщает Аппиан.

В докладе *Н. В. Бузаевой* (Москва) «Где погиб Катилина? В поисках места битвы при Пистории» рассмотрены попытки отыскать место гибели знаменитого противника Цицерона — Катилины. Античная традиция о заговоре Катилины по понятным причинам значительно более подробно освещает события в Риме, чем действия войска восставших в Этрурии. Наиболее информативными являются произнесенная Цицероном в 56 г. до н.э. речь «В защиту Сестия» и сочинение Саллюстия, однако даже у Саллюстия, где содержится описание передвижения мятежников в сторону Галлии и последнего сражения Катилины, не совсем понятно, где все-таки произошла битва. Тем не менее личность Катилины прочно вошла в местную традицию и даже стала обоснованием вражды средневековой и ренессансной Флоренции с Фьезоле и Пистойей. Тосканские эрудиты Нового времени предпринимали попытки установить место гибели Катилины с опорой на топонимику и старинные предания, однако современные исследователи относятся к этому скептически, отдавая предпочтение сведениям о ландшафте и дорожной сети агер Pistoriensis.

А. Г. Арлианский (Москва) выступил с докладом «Потомки триумвира Марка Антония — правители античных государств», в котором представил результаты предпринятой им реконструкции нисходящего родословия потомков консула и триумвира Римской республики Марка Антония на протяжении I–IV вв. Реконструкция опирается на просопографическую информацию эпиграфических, нумизматических и нарративных источников. Представленный генеалогический обзор показывает, что потомками Марка Антония являлись представители фамилий римской аристократии и императоры Римской империи, представители династий Востока и правители постэллинистических государств. В качестве общего итога докладчик отметил значимость генеалогических исследований при изучении политической истории стран античного мира и, в частности, для прояснения ряда вопросов становления и развития римского принципата, межгосударственных отношений периода Республики и Империи.

Доклад *А. Ю. Маркелова* (Самара) «Римский сенат в “Деяниях” Августа» посвящен малоизученному вопросу о том, как представлен римский сенат в данном произведении. Несмотря на то что *Res gestae Divi Augusti* находятся в поле зрения антиковедов уже не одно столетие, по словам докладчика, репрезентации римского сената в нем до сих пор не было уделено специального внимания. Сенат предстает в качестве политического органа, принимающего участие в управлении *res publica* и поручающего дела принцепсу. Однако в основном курия присуждает Августу различного рода почести за его деятельность, император же предстает не только выразителем желаний сената, но и его главой и устройтелем.

В докладе *Е. А. Гуськова* (Самара) «Новый источник о старой проблеме: Метилий Пудент и гвардия Флавиев» был предложен вариант реконструкции профессиональной карьеры воина преторианской когорты на основе анализа эпиграфического источника — случайной находки в 1970-х годах посвятителльной стелы некоего Метилия Пудента, названного в надписи воином XIX преторианской когорты. По палеографическим признакам она датирована второй половиной I в. н.э. Надпись была опубликована только в 1995 г., но до сих пор не привлекла широкого внимания исследователей. Роль Пудента в событиях 69 г. неизвестна из-за скудного содержания стелы. Докладчик доказывает, что Пудент мог служить только в гвардии Юлиев-Клавдиев и во время гражданской войны воевал сначала на стороне Отона, а затем поддержал, как и многие бывшие отонианцы, партию Веспасиана и был в итоге зачислен в его преторий. В докладе были раскрыты условия службы и отставки Метилия Пудента, а также вопросы организации новой гвардии, состоявшей из воинов флавианских легионов, бывших преторианцев Отона и легионеров Вителлия, а также уточнены обстоятельства демобилизации преторианских когорт, проведенной весной 69 г. Вителлием.

Е. Ю. Челель (Москва) выступила с докладом «К вопросу о диоикете в римском Египте: новые данные папирусных документов из Мемфиса». Должность диоикета, заведовавшего финансами страны, появилась в Египте при Птолемее II, а ведомство диоикета (диоикесис) занималось в первую очередь взиманием налогов с царских и частных земель. С приходом римлян эта структура претерпела некоторые изменения: должности диоикета, стоявшего во главе диоикесис, по-видимому, в течение первых 150 лет римского правления не существовало, в то же время в папирусах упоминаются диоикеты местного уровня. Центральная должность диоикета в Александрии появилась снова лишь при Адриане и продержалась в системе римского управления до конца III века, когда ее упразднил Диоклетиан. В докладе были рассмотрены свидетельства папирусных документов

римского времени о том, как происходило взаимодействие диоикета в Александрии с чиновниками местного уровня в столицах номов, и была выдвинута гипотеза, согласно которой группа документов из Мемфиса III в.н.э., известная в научной литературе как «архив мемфисского чиновника», происходит из бюро как раз такого местного чиновника, который обеспечивал посредничество между диоикетом в Александрии и администрацией Мемфисского нома, контролируя таким образом сбор налогов в римскую казну.

Цель доклада *К. С. Данилочкиной* (Москва) «Границы Римской Британии сквозь века: мифологизация образа» заключалась в рассмотрении изменений восприятия границ империи в античные времена и после и процесса создания образа Вала Адриана, каким мы знаем его сейчас. В докладе предпринята попытка проследить, как он менялся из века в век и что оказывало на это наибольшее влияние. Докладчица акцентировала внимание на одном из наиболее насущных вопросов, а именно на существовании традиции различного наименования монумента — Вал Адриана и Стена Адриана, ведь на деле эти два понятия отличаются друг от друга не только по форме, но и по функции. Также были освещены вопросы о том, какая роль отводилась второй стене (валу), которая кажется менее знаменитой, почему так сложилось и важно ли такое разделение для современных исследований.

В докладе *А. М. Сморгичева* (Москва) «Общественные ауспиции в мифологическом пространстве древнего Рима» на основе анализа ритуалов, обязательных при вступлении в должность римских магистратов, предложена гипотеза о пространственном переносе права ауспиций, краеугольного в римской религиозно-политической организации. Изначальным местом их бытования традиция называет Лавиний, которому наследовала Альба Лонга, а последней — Рим. Таким образом, ритуалы вне Рима в начале административного года представляли собой движение и в мифологическом, и в реальном пространстве к сакральным истокам римского государства (из Рима через Альба Лонгу в Лавиний). Тем самым древний миф закреплялся в религиозно-политическом ритуале, в свою очередь, обеспечив его удивительную живучесть даже тогда, когда его политическое значение потеряло свою актуальность. При таком взгляде италийская основа римской государственности выявляется в новом свете и гораздо полнее.

В. А. Квашин (Вологда) выступил с докладом «Об одной “ошибке” Валерия Максима», который был посвящен локальному сюжету, связанному с сообщением Валерия Максима о посольстве Сципиона Эмилиана в Александрию, в частности о количестве рабов, которые его сопровождали. Хотя большинство древних авторов говорят о пяти рабах, Валерий Максим пишет, что их было семь. Можно было бы считать его сообщение ошибкой, тем более что раздел четвертой книги, посвященный Сципиону Эмилиану, содержит и другие неточности. В связи с этим возникает соблазн считать ошибки и неточности Валерия Максима прямым следствием несовершенства методов, используемых античными авторами при работе с источниками. Тем не менее, как неоднократно отмечалось в литературе, специфика античной историографии, сохранявшей свою связь с риторикой, объясняется не ее некритичным отношением к источникам, но иным представлением о смысле и задачах истории. В этой связи докладчик уделил внимание различным цифрам, которые приводят античные авторы, и пришел к выводу, что исходным пунктом следует считать биографию Катона Старшего, в которой сообщается о пяти рабах, ведь она опирается на первоисточник в виде несохранившейся речи Цензора.

Основной проблемой, рассмотренной в докладе *А. Н. Грешных* (Москва) «Легенда о первых царях как компонент позднеримского текста (IV–V вв.): черты и признаки», были характер и специфика присутствия в позднем латинском историческом (и вообще «ученом») нарративе предания о ранних римских царях в качестве компонента этого нарратива. В понятие «легенды о первых царях» в докладе были включены все упоминания о событиях, однозначно относимых самими позднеримскими авторами к правлению одного из трех первых царей. В IV–V вв. «предание» о правлении ранних царей как таковое уже не представляет органического элемента исторически связанного нарратива внутри «большого текста», а приобретает характер либо мифологемы о «золотом веке», либо некоторого исторического анекдота, функция которого внутри основного текста иллюстративна. Некоторое исключение представляет текст Сервия Гонората, который, при наличии фрагментарности, дискретности изложения в сочетании с мифологизацией материала, тем не менее склонен к выстраиванию для читателя причинно-следственных связей между словами и историко-культурными реалиями, то есть внутри его текста предания о первых царях предстают значительно более целостным в структурном отношении элементом исторического повествования.

Докладом *О. В. Осиповой* (Москва) «Новейшие исследования композиции “Исторической библиотеки” Диодора Сицилийского» открылось заседание секции «Тексты и интерпретации»

(сопредседатели — О. Л. Габелко, И. В. Хорькова). Автор доклада ознакомила аудиторию с результатами исследований, посвященных особенностям композиции произведения, которые опубликованы в сборнике статей «Диодор Сицилийский: теория и практика историописания в “Библиотеке”» (Leuven, 2018). «Историческая библиотека» Диодора Сицилийского относится к сочинениям энциклопедического характера и предполагает использование различных способов организации огромного разнообразного материала. Авторы статей, рассматривая частные вопросы (например, кольцевую композицию отдельных эпизодов или роль речей в композиции всего произведения), независимо друг от друга приходят к выводу о том, что Диодор создает симметричную структуру «Исторической библиотеки» со своей системой параллелизмов, пропорций и перекличек.

О. Л. Габелко (Москва) предложил вниманию слушателей доклад «Автор, текст, город и время: попытка альтернативной датировки “Плавания по Боспору” Дионисия Византийского». Докладчик поставил под сомнение проистекающее из традиционно постулируемого в научной литературе *terminus ante quem* (196 г. н.э., захват и разрушение Византия Септимием Севером) отнесение жизни и творчества Дионисия ко II в. н.э. Обращает на себя внимание одно-единственное упоминание греческим автором римлян, причем вне связи с самим Византием (86); указание на наварха (75) — видимо, реального командира флота, а не просто полисного магистрата римского времени; характеристика утесов в проливе как «ключей» и «замков» Понта (69), коррелирующая с фразой Аппиана (*Mithr.* 19) относительно начала Первой Митридатовой войны, а также ряд других деталей косвенного характера. Самым же главным докладчик считает полное несоответствие описания Дионисием гавани Византия на заливе Рог и их укреплений (11–12) таковому же у Диона Кассия (LXXV. 10. 1–5 — II в. н.э., до северовского погрома): создается впечатление, что во время Дионисия большая часть этих сооружений просто еще не была построена. Все это, по мнению автора, позволяет осторожно поставить вопрос о датировке «Плавания...» примерно рубежом эр.

П. Н. Лебедев (Москва) в докладе «Частные книжные коллекции и книгообмен в Римской империи во II в. н.э.» рассмотрел проблему появления в Римской империи в I–II вв. н.э. первых публичных библиотек и распространения практики создания частных книжных коллекций. Докладчик пришел к выводу, что владение книгами в условиях ограниченного спроса и предложения на книжном рынке позволяло демонстрировать свою принадлежность к более престижному слою общества, а также устанавливать важные социальные связи посредством участия в обмене книгами, их совместном чтении и обсуждении. Ценную информацию о коллекционировании книг и сообществах книголюбов дают сочинения Лукиана из Самосаты «Неучу, который покупал много книг» и Авла Геллия «Аттические ночи». Как показывают эти и другие источники, попытка составить книжную коллекцию только с помощью покупок в книжных лавках и у странствующих книготорговцев не позволяла попасть в элитарный круг ценителей книг. Узнавать о наличии книг, одалживать их и копировать можно было только лицам, разделяющим определенные ценности и владеющим навыками чтения и комментирования литературных произведений.

Доклад И. А. Миролобова (Москва) «Жизнеописание узурпатора Сатурнина (*SHA Tyr. trig.* 23) — правда и вымысел» был посвящен рассмотрению на конкретном примере одной биографии более общей и сложной проблемы источника — выдуманных персонажей. Изучение императорских биографий *SHA* давно стало отдельным направлением в источниковедении древнего Рима. Наряду с анахронизмами и спорными эпизодами в ряде биографий существует и другая проблема: исторические персонажи, чье существование может быть выдумано автором (или авторами) сочинения. К таким проблемным персонажам относится и император-узурпатор Сатурнин, деятельность которого датируется автором эпохой правления Галлиена. Ни одним другим источником он не фиксируется. Словно предвосхищая стремление исследователей отождествить его с узурпатором Сатурнином, действовавшим в IV веке, автор подчеркивает, что это два разных человека (*SHA Firm.* 11.1). При более детальном изучении биографии узурпатора Сатурнина I несложно увидеть, что некоторые элементы жизнеописания являются адаптациями эпизодов биографий других императоров и узурпаторов. При этом автор (или авторы) использует как свои наработки, так и тексты других источников. Докладчик сосредоточил свое внимание на выявлении этих параллелей и реконструкции источникового базиса жизнеописания Сатурнина I.

И. Е. Ермолова (Москва) в своем выступлении «Что может текст рассказать о своем авторе (на примере Аммиана Марцеллина)» показала, как сочетается в труде Аммиана Марцеллина провозглашаемая им цель и ее реальное воплощение в изображении исторических персонажей. Известно, что Аммиан Марцеллин считал девизом своего исторического труда истину; однако полная беспристрастность его повествования осталась иллюзией — видимо, против воли автора личные

мотивы и пристрастия проникали в текст. В научной литературе неоднократно указывалось на предвзятое отношение писателя к императорам, прежде всего Юлиану и Констанцию II. Меньшего внимания исследователей удостоились фигуры, не столь значимые для истории, но гораздо более тесно связанные с автором. Так, Аммиан Марцеллин не менее семи лет служил под началом магистра конницы на Востоке Урзицина и был ему чрезвычайно предан. Анализ текста «Деяний» позволяет утверждать, что во всех случаях, когда Аммиан Марцеллин касается судьбы Урзицина, следует чрезвычайно осторожно относиться к его сведениям, и историка можно заподозрить либо в преувеличении роли магистра, либо в искажении положения вещей, либо в умолчании.

Доклад *И. В. Хорьковой* (Москва) «Новое название старой болезни: к вопросу о медицинской терминологии Галена» был посвящен исследованию одного медицинского термина. В философско-медицинском трактате «Об учениях Гиппократов и Платона», принадлежащем перу врача и натурфилософа Галена, встречается название заболевания ἡ καρδιαλγία вместе с описанием симптомов и способов лечения. На основе анализа текста Галена и цитируемых им в связи с этим заболеванием античных авторов, а также в результате сравнения описываемых Галеном симптомов с известными современной медицине делается предположение, что под названием ἡ καρδιαλγία скрывается заболевание, известное современной медицине как гастрокардиальный, или холицистокардиальный, синдром.

А. В. Зубаев (Саратов) в докладе «Обитатели Ливийской пустыни в географических описаниях позднеантичных авторов: γαράμας у Филосторгия (*Hist. eccl.* III. 11) и Исидора Севильского (*Eytm.* XII. 7. 1)» предложил соотнести термин γαράμας (лат. *garamas*) с птицами родов *Alectoris* (Каур, 1829) (нем. *Steinhühner*) и *Pterocles* (Темминк, 1815), обитающими в Ливийской пустыне, обращая внимание на метонимию: перенос названия народа гарамантов (γαράμαντες) на вид птиц. По мнению докладчика, применение методов естественнонаучных дисциплин в антиковедении и византистике позволит глубже и шире изучить картину мира древних авторов (как части интеллектуального наследия античности). До настоящего времени традиция комментирования Филосторгия и Исидора Севильского не замечала специальных орнитологических исследований о животном мире Сахары и понимала под этим термином *Numidameleagris* (Linnaeus, 1764). Привлечение этих материалов позволило докладчику продемонстрировать, что соотнесение гарамантов с *Numidameleagris* неточно и возникло в результате осмысления географического окружения, в котором жил Исидор Севильский.

Е. Л. Смирнова (Петрозаводск) посвятила свой доклад «“Nero (артист)” в рабочей тетради Достоевского и проблема атрибуции наброска “Ростовщик”» исследованию одного наброска Ф. М. Достоевского 1866–1867 гг. (РГАЛИ. Ф. 212.1.5. С. 10). В академических изданиях полного собрания сочинений этому наброску, который датируется началом 1866 г., присвоено название «Ростовщик», и он трактуется как подготовительные наброски к не осуществленному писателем замыслу. Докладчик приводит аргументы, сформулированные на основе анализа образов и мотивов из античной истории, имеющихся в наброске, которые дают основание поддержать гипотезу о принадлежности записей на этой странице к подготовительным материалам ранней редакции романа «Идиот», датируемым осенью 1867 г. Критический анализ доказательства публикаторов полных собраний сочинений Достоевского, оценка записей рабочей тетради, окружающих набросок, а также его содержания позволили докладчику выявить тесную взаимосвязь с черновыми записями «Идиота».

Во второй день работы конференции 20 декабря 2019 г. было проведено три заседания тематических секций. Первым на секции «Древний Восток и Мезоамерика: история, культура, право» (сопредседатели – В. А. Головина, А. А. Немировский) выступил *С. В. Иванов* (Москва) с докладом «Керамические жертвенники из Мемфиса», посвященным одной группе находок из раскопок Мемфисского городища. Начиная с 2001 г. Центр египтологических исследований РАН проводит археологические исследования в северной части Мемфисского городища (памятники Ком-Туман, Ком-Дафбаи, Азия). В результате раскопок были обнаружены кварталы, где располагались жилые дома, административные и складские постройки, ремесленные производства и фортификационные сооружения, которые относятся преимущественно к VI–IV вв. до н.э. Среди находок можно выделить группу фрагментов керамических изделий необычной формы, датируемых Поздним периодом. По мнению автора доклада, эти предметы были частями жертвенников (преимущественно сиро-палестинского типа), которые изготавливали мемфисские мастера по заказу проживавших в городе иноземцев.

Доклад *В. А. Головиной* (Москва) «Система фортификации на Ниле в эпоху позднего Среднего царства: необходимая оборона или демонстрация силы?» был посвящен реконструкции сложной системы крепостных сооружений, возведенных на берегах и островах Нила в период правления XII династии (преимущественно при Сенусерте III, 1870–1831 гг. до н.э.). Автор рассмотрела некоторые особенности ее расположения, детали конструктивного устройства и функционирования, а также проблему изначального предназначения.

В. И. Ярмолович (Москва) в докладе «Гончарные технологии в Египте VI—III вв. до н.э. по данным археологии и эпиграфики» исследовала вопрос о появлении ножного гончарного круга в Египте, предположительно, в эпоху XXVII династии (525–401 гг. до н.э.). Хотя находки самих гончарных кругов пока неизвестны, до наших дней дошли эпиграфические и изобразительные свидетельства, определенно демонстрирующие знакомство египтян с этим устройством. Эти данные дополняются другой категорией материальных памятников — археологической керамикой. Комплексный анализ морфологических и технологических признаков глиняных сосудов из археологических раскопок Центра египтологических исследований РАН в Мемфисе и сопоставление его результатов с данными эпиграфики и изображений позволяют выдвинуть предположение об уровне развития гончарства в эпоху Позднего периода и возможных путях появления этой технологии в Египте.

В докладе *Р. А. Орехова* (Москва) «О конспирологии в египтологии, или Действительно ли Е. С. Богословский утаил от науки выводы Ю. Я. Перепелкина (по материалам архива Т. Н. Савельевой)» были представлены результаты изучения архива московского египтолога Т. Н. Савельевой, который после ее смерти в 1999 г. был передан в Центр египтологических исследований РАН. Анализ эпистолярной части архива позволил по-иному взглянуть на научное наследие крупнейшего отечественного египтолога Ю. Я. Перепелкина и внести ясность относительно выдвинутых против Е. С. Богословского обвинений. Их суть сводилось приблизительно к следующему: Богословский, движимый неким тайным побуждением, изъял из монографии «Хозяйство староегипетских вельмож» выводы Перепелкина, которые могли пошатнуть здание всей исторической науки, и тем самым лишил научную общественность возможности узнать некую истину об общественном строе времени строителей пирамид. Исследуя материалы архива Савельевой, докладчик приходит к совершенно противоположным выводам. Прежде всего об открытиях Перепелкина его коллеги хорошо знали еще с середины 1950-х годов, так что никакого смысла скрывать их не было. Более того, сам Перепелкин в своих работах избегал делать выводы, касающиеся вопросов формационного характера, поэтому за него эти выводы формулировали ответственные и научные редакторы изданий, в которых публиковались его труды.

А. А. Немировский (Москва) в докладе «Ужасная судьба “отца” и “сына”: терминология родства в письме Апопи Ааусерра к царю Куша» привел дополнительные аргументы в пользу того, что именование царя Куша «сыном» гиксосского царя отражает формальную зависимость Куша от Авариса и находит соответствия в азиатской международной практике эпохи.

Доклад *А. В. Логинова* (Москва) и *В. Ю. Шелестина* (Москва) «Происхождение принципа талиона в ближневосточном праве» был посвящен условиям, которые сделали возможным появление принципа талиона в праве древнего Ближнего Востока. Докладчики считают, что появление принципа талиона связано с изменениями в социально-экономических отношениях в Месопотамии после падения III династии Ура и прихода амореев. Талион возник в эпоху крушения экономической системы государства III династии Ура. Этот принцип нельзя считать более прогрессивным, чем композиции, которые были распространены в Шумере. Возникновение принципа талиона, по мнению докладчиков, обуславливается увеличением сферы частной экономической деятельности и уменьшением доли государственного хозяйства в экономике в старовавилонский период. Позднее талион закрепился в праве как традиционный способ наказания.

Е. М. Берзон (Москва) в докладе «Поздневавилонские исторические тексты и их место в древней историографии эпохи эллинизма» остановилась на проблемах источниковой базы, с которыми приходится сталкиваться исследователям эпохи эллинизма, а именно на различном отношении исследователей к греческим и восточным эпиграфическим памятникам: использование первых является неотъемлемой частью почти любого исторического исследования по эллинизму, клинописные же тексты из эллинистической Вавилонии вынужденно или сознательно игнорируются даже в новейших работах уважаемых исследователей. В связи с этим автором доклада были намечены следующие цели: 1) в общих чертах обрисовать современное состояние и степень изученности поздневавилонских текстов; 2) более детально обозначить суть проблемы игнорирования или недооценки эллинистических клинописных текстов; 3) продемонстрировать на конкретных примерах,

почему вавилонская эпиграфика не должна рассматриваться лишь как источник по локальной истории или социально-экономическим отношениям в пределах одной сатрапии; 4) предложить способы заполнения данной лакуны в отечественном источниковедении.

Д. Д. Беляев, А. В. Сафронов (Москва) и *М. Ковач* (Братислава) выступили с докладом «Корпус монументальных иероглифических надписей Вашактуна (Петен, Гватемала): результаты исследований 2014–2019 гг.», в котором представили новые достижения в области майянистики. Вашактун — один из ключевых центров древних майя, расположенный на севере департамента Петен (Гватемала). С 2009 г. масштабный археологический проект, включающий раскопки, региональное обследование, изучение поселенческой организации и реставрацию, реализуют словацкие археологи из Университета имени Коменского (Братислава) во главе с профессором Миланом Ковачем и их гватемальские коллеги. Важность Вашактуна для истории и археологии майя определится тем фактом, что на его материалах базируется типология керамики области майя, лежащая в основе археологической периодизации. В то же время эпиграфика этого города долгое время оставалась недостаточно исследованной. Новая документация монументальной скульптуры, предпринятая словацкими археологами, дополненная полевой работой с иероглифическими текстами А. В. Сафронова и Д. Д. Беляева, позволила подготовить к новой публикации корпус монументальных иероглифических надписей, а также реконструировать политическую историю Вашактуна начиная с конца IV до конца IX в.

20 декабря также состоялось заседание секции «Древняя Греция: история и культура» (сопредседатели — Е. И. Соломатина, И. Е. Суриков), которое *А. В. Безруков* (Магнитогорск) и *В. В. Улитин* (Краснодар) открыли докладом «Влияние военно-политических конфликтов на античную торговлю: проблемы изучения (на примере античных государств Восточного Средиземноморья и Причерноморья и варварских племен ближней и дальней северо-восточной периферии античного мира)». Авторы рассмотрели некоторые общетеоретические аспекты влияния конфликтов на торговые связи греков и варварских племен и обратили внимание на особенности источниковой базы по данной тематике, т.е. на отражение в письменных источниках, археологическом и нумизматическом материале влияния военных конфликтов и миграций варварских племен на развитие торговли, а также на механизмы и степень воздействия (как негативного, так и позитивного) войн и миграций на различные ее сферы. Авторы пришли к выводу, что степень этого воздействия в конкретных регионах и полисах могла быть различной (от незначительной до высокой), при том что реальное влияние на торговлю официальных постановлений, тесно связанных с военными конфликтами, было невелико.

Тема доклада *Я. М. Паромова* (Москва) «О времени возникновения виноделия на Азиатском Боспоре», по словам докладчика, ранее практически не изучалась, однако некоторые связанные с ней аспекты все же были затронуты исследователями, которые рассматривали развитие виноделия как общий для Европейского и Азиатского Боспора процесс. Появление виноградарства и виноделия по обе стороны пролива в этих работах отнесено по косвенным признакам к VI–V вв. до н.э. при отсутствии прямых свидетельств. Главным и наиболее достоверным источником наших знаний о винодельческом хозяйстве Боспора являются открытые и исследованные на его территории винодельни. На основе их датировок в статье *Я. М. Паромова* (1997) было показано, что все известные в то время винодельни Азиатского Боспора были построены и эксплуатировались лишь в римское время (I–V вв. н.э.), в отличие от Европейского Боспора, где первые винодельни появились ранее, в период IV–II вв. до н.э. Этот феномен, по мнению докладчика, требует пересмотра затвержденных многими публикациями представлений о виноградарстве и виноделии на Европейском и Азиатском Боспоре.

В докладе *С. А. Степанцова* (Москва) «Предмет описания и место исполнения фрагмента Алкея 140 Voigt» были рассмотрены две основные версии интерпретации Alc. fr. 140: согласно одной из них, стихотворение описывает оружие в доме, согласно другой — в храме или святилище. Докладчику более аргументированной представляется первая линия, которая легче увязывается с симпозиальным исполнением песни, но для ее развития необходимо более четкое представление о типологии архаических жилищ на Лесбосе. Однако нет решительных аргументов и против второй версии, которая тоже может быть увязана с симпозиальным исполнением. Для ее развития нужны более точная систематизация наблюдений над авторским временем в архаической поэзии и более убедительные предположения о ситуации создания и исполнения песни, чем предлагал Б. Марцулло.

Тему трактовки фрагментов поэтического наследия Алкея продолжил доклад *Е. И. Соломатиной* (Москва) «Интерпретация и реконструкция событий во фр. 69 Алкея». Стихотворение Алкея

(fr. 69 Voigt), упоминающее о щедром даре лидийцев, расценивается современными исследователями как загадочное и представляет собой широкое поле для всевозможных реконструкций событий, нашедших в нем свое отражение. Предложенные реконструкции зависят от понимания и интерпретации авторами ключевых моментов стихотворения: идентификации города, о котором идет речь; датировки события; смысла щедрого дара лидийцев; определения того, кто скрывался под личиной «хитрой лисы». Ни одна из имеющихся на сегодняшний день реконструкций не получила широкого одобрения, так как в каждой имеются свои недостатки, которые были подвергнуты обоснованной критике. Рассмотрев предшествующие реконструкции, докладчик предлагает свою версию реконструкции событий и ее обоснование с опорой на ранее предложенную идентификацию упоминаемого Алкеем города как Сигея.

И. Е. Суриков (Москва) представил доклад «Ферекид и Геродот: два историка из “кружка Кимона”». Известно, что Ферекид Афинский, один из древнейших греческих историков, работавший в 470–450-х годах до н.э., принадлежал к окружению аристократического рода Филаидов, возглавлявшегося в те времена выдающимся политиком и полководцем Кимоном. Один из самых важных (но в то же время и самых проблемных) фрагментов Ферекида содержит родословную Филаидов, охватывающую несколько веков и явно составленную по личному заказу Кимона. В труде Ферекида значительное место занимает образ Тесея, интерес к которому в Афинах сильно актуализовался в период лидерства Кимона. С другой стороны, чем дальше, тем больше становится ясным, что аттическим родом, с которым Геродот поддерживал наиболее тесные и дружественные связи в ходе своих визитов в «город Паллады», являлись, вопреки когда-то господствовавшему мнению, не Алкмеониды, а Филаиды. По мнению докладчика, молодого Геродота тоже вполне можно назвать членом «кружка Кимона», в рамках которого он мог и должен был общаться с Ферекидом. Судя по всему, с сочинением последнего галикарнасец тоже был знаком.

В докладе *Е. В. Захарова* (Москва) «О соотношении стоимости дариков и кизикинов в “Анабасисе” Ксенофонта» была рассмотрена гипотеза о паритетном курсе дариков и кизикинов, основанная на контексте упоминания этих монет в «Анабасисе», в свете новейших результатов естественнонаучных исследований. Содержание золота в кизикинах, по данным рентгено-флуоресцентного анализа, колеблется в пределах 55,6–66,8% и соответствует стоимости дарика, что согласуется со сведениями Ксенофонта.

К. А. Анисимов (Тула) выступил с докладом «Одрисский царь Котис I: литературный образ и биография». Успешная борьба Котиса с Афинским государством за контроль над черноморскими проливами в 363–360 гг. до н.э. привлекала к нему особое внимание античных авторов. Эти сведения дополняет богатый нумизматический и эпиграфический материал, что, по мнению автора, дает нам беспрецедентную возможность для восстановления биографии фракийского царя и для сравнения ее с тем образом Котиса I, который сформировался в античной литературе. Интерес представляет также сравнение образов Котиса I и македонского царя Филиппа II в письменных источниках. Котис был старшим современником Филиппа и не мог не оказывать влияния на будущего царя Македонии. Во многом деятельность Котиса предвосхитила аналогичные действия Филиппа и ознаменовала рождение северобалканской державы нового типа, что позволяет рассматривать Котиса как непосредственного предшественника эллинистических монархов, а его правление – как явление, которое определило тенденции будущего развития античного мира.

Л. Л. Селиванова (Москва) посвятила доклад «Эволюция образа богини-покровительницы на монетах Кирены» визуальному представлению богини Кирены – мифической основательницы одноименного города в Северной Африке, на востоке современной Ливии. На основе письменных и нумизматических источников автор определила время и причины появления, а также проследила эволюцию и исчезновение этого образа. Анализируя иконографию богини на киренских монетах и выделяя типы изображений и особенности их трансформации с VI в. до н.э. докладчица пришла к заключению, что с начала эллинизма Кирена как локальное божество-эпоним вытесняется богиней победителей македонцев Афиной, а уже в римский период полностью заменяется образом мифологической Ливии, эпонима страны Ливии.

В докладе *С. В. Смирнова* (Москва) «Львиный тип в “Физиогномике” псевдо-Аристотеля и царский монетный портрет эпохи эллинизма: проблемы интерпретации» в качестве главного подхода для идентификации монетного портрета было предложено рассматривать изображение в контексте раннеэллинистической эстетики и физиогномики. В эпоху раннего эллинизма физиогномический канон базировался на учении перипатетиков и был сформулирован в трактате неизвестного продолжателя Аристотеля «Физиогномика». Для художников того времени, в том числе

и для резчиков монетных штемпелей, он стал образцом портретного жанра. Одним из наиболее ярких физиогномических типов, представленных в этом труде, является так называемый львиный тип, обладающий, как и все остальные, определенным набором портретных характеристик. Сопоставление «львиного типа» «Физиогномики» с описаниями внешности Александра Македонского указывает на использование портретных черт, относимых к «львиному типу», при создании художественного образа Александра, в том числе и на монетах. Ввиду специфики жанра монетного портрета, а также самого носителя изображения, художник-резчик использовал уникальные средства художественного нарратива, дополняя портрет различными атрибутами.

О. А. Золотникова (Никосия) представила доклад «“...in dodone iovis fons...” (Plin. *NH* 2.106 (101)). Так называемый “источник Зевса в Додоне” в античной и современной научной литературе». Ряд латинских авторов начиная с I в. до н.э. упоминают необычный источник с ледяной водой, находившийся в Додоне: воде этого источника приписывалась способность возжигать факелы, при этом она не текла постоянно: источник каждый день пересыхал к полудню и заново наполнялся водой к полуночи. Источник не упоминался греческими авторами, описывавшими Додону, и не связывался римскими авторами, писавшими до Плиния, с оракулом Зевса, действовавшим в Додоне. Однако короткая фраза Плиния «...in dodone iovis fons...» была интерпретирована уже в античности как указание на то, что необычный источник Додоны принадлежал Зевсу; постепенно возникло представление, ярче всего отраженное позднеримским автором Сервием, о том, что вода обладала пророческой силой и что Зевс прорицал в Додоне через этот источник. В современной научной литературе идея «пророческого источника Зевса в Додоне», как правило, принимается как факт и используется для интерпретации характера оракула Зевса в Додоне. Однако, по мнению автора, в действительности латинские тексты не содержат указания на связь додонского источника с оракулом Зевса и фраза Плиния должна пониматься лишь как информация о существовании в Додоне источника с необычной водой, не связанного с оракулом.

Заседание секции «Древний Рим и поздняя античность» (сопредседатели – Д. Е. Афиногенов, М. Н. Кириллова) было открыто докладом *И. А. Гвоздевой* (Москва) «Типы полей у римлян по трактатам Сикула Флакка». Сикула Флакка обычно называют лишь практиком межевания полей, хотя именно этот римский ученый-землемер, деятельность которого относится к рубежу правления императоров Траяна и Адриана, не только сообщил сведения о способах обозначения границ полей и межевых знаков, но и сформулировал свою концепцию генезиса наиболее раннего типа поля у римлян – *arcifinius*. Принципиально важным положением Сикула Флакка, по мнению автора доклада, является утверждение, что отсутствие плана для *arcifinius* является признаком сохранения архаичного *locus-принципа*. Именно эти сведения Сикула Флакка в настоящее время и привлекают внимание специалистов по римской экономике.

В докладе *М. Н. Кирилловой* (Москва) «Римские землемеры о происхождении межевания» рассматривались римские землемерные сочинения, весь корпус которых датируется эпохой Империи. Их авторы в основном стремились осветить современное им положение дел. Эта особенность не в последнюю очередь связана с практическим характером самого объекта сочинений – межевания. Однако авторы трактатов все же не могли обойти стороной вопрос о происхождении межевания и отдельных его институтов. Цель доклада состояла в анализе того, что именно и каким образом римские землемеры сообщают об истории межевания, а также в выявлении источников, которыми пользовались землемеры для освещения этой темы.

В свете новых подходов к теме противостояния язычества и христианства в поздней античности возникает необходимость заново проанализировать источники, относящиеся к резонансным событиям этого противостояния, в частности узурпации Евгения и последующей войне с ним императора Феодосия (392–394 гг.), чему и был посвящен доклад *М. М. Казакова* (Смоленск) «“Последнее языческое возрождение” и его интерпретация в источниках V века». Анализ текстов V в. позволяет сделать вывод о том, что узурпация Евгения не имела целью реставрацию язычества и не сопровождалась «языческим возрождением», но режим следовал принципу веротерпимости, который в прежнем виде уже не устраивал христианскую Церковь. Религиозный фактор не был причиной конфликта Феодосия с Евгением, являвшегося обычной для поздней Римской империи гражданской войной, но церковная иерархия посчитала удобным использовать эту войну в качестве события, завершающего борьбу христианства с язычеством. Именно поэтому, по мнению докладчика, победа Феодосия была истолкована как триумф христианства над язычеством.

М. А. Ведешкин (Москва) выступил с докладом «Языческие учителя и христианские проповедники: конкуренция и сотрудничество», в котором отметил, что на протяжении всего позднеантич-

ного периода представители свободных профессий выступали в роли охранителей классической культуры, отеческой религии, политических традиций и общественных ценностей. В докладе были рассмотрены взаимоотношения языческой интеллектуальной элиты с постепенно встраивавшимся в социальную структуру империи христианским клиром. На фоне разложения полисного строя, культурной и духовной трансформации позднеантичная интеллигенция оказывалась перед сложным выбором: признать новые формы социальной жизни или вступить в заведомо обреченную на провал борьбу за сохранение старых порядков. Особенно сложным было отношение этой части образованного слоя общества к христианской церкви, укрепление которой подрывало сами основы традиционного уклада.

С. А. Сахаров (Смоленск) выступил с докладом «“Кодекс Феодосия” как источник изучения позднеимперской коррупции». По мнению автора, рассматривая вопросы организации римского государства периода поздней античности, особое внимание следует уделять проблеме коррупции. Признававшаяся злом самой позднеимперской властью, она подтачивала административную систему империи изнутри, делая ее неспособной давать эффективные ответы на вызовы времени. Ценные сведения для изучения коррупции в Римской империи эпохи Домината дают материалы позднеимперского законодательства, представленные в «Кодексе Феодосия». Этот источник позволяет выявить основные мотивы совершения преступлений коррупционной направленности, формы проявления коррупции и механизмы противодействия ей, использовавшиеся позднеимперским государством. При этом повторяемость в Кодексе антикоррупционных норм схожего содержания позволяет ставить вопрос о неэффективности как системы противодействия коррупции в частности, так и государственной системы империи в целом.

Сочинение, указанное в заглавии доклада *Д. Е. Афиногенова* (Москва) «Как спрятать исторические сведения в кулистской риторике? Пример “Перенесения мощей патриарха Никифора”», состоит из двух гомилий, по всей вероятности, реально произнесенных в Константинополе между 13 марта и 14 июня 847 г. В соответствии с требованиями жанра произведение переполнено риторическими украшениями, которые на первый взгляд создают впечатление малосодержательного, неинформативного текста. Однако, по мнению докладчика, среди общих фраз и упражнений в красноречии встречаются фрагменты, в которых сообщаются весьма ценные сведения по второму периоду иконоборчества в Византии, в особенности по времени между восшествием на престол Феодоры (20 января 842 г.) и восстановлением иконопочитания (11 марта 843 г.).

В завершение конференции было проведено заседание круглого стола Российской ассоциации антиковедов, в рамках которого с подведением итогов двухлетнего периода выступил председатель ассоциации член-корреспондент РАН *А. И. Иванчик*. После этого *Е. В. Ляпустина* (Москва) в докладе «Publish or perish, или Кому суждено быть повешенным, тот не утонет» поделилась своими соображениями о необходимости координации усилий периодических изданий по древней истории, филологии и археологии в то время, когда усиливается давление бюрократии и растут требования к количеству публикаций результатов научных исследований. Все системы индексирования работают только с метаданными, само же тело статьи остается полем полной свободы автора. Опыт работы редакции «Вестника древней истории» показывает, что следование некоторым общим принципам при выборе вариантов транслитерации фамилий, оформлении списков литературы и т.п. способно дать дополнительный положительный эффект. Заседание завершилось общей дискуссией.

Evgeniia N. Andreeva,

E-mail: aenik@ya.ru

Е. Н. Андреева,

н.с. отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН

Elena I. Solomatina,

E-mail: Solomatina_elena@yahoo.com

Е. И. Соломатина,

н.с. отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН,

Moscow, Russia

Москва, Россия